Украденное пламя

Лоес Моррен

Лоес Моррен

Украденное пламя

«Автор»
2026

Моррен Л.

Украденное пламя / Л. Моррен — «Автор», 2026

Я призналась в краже, чтобы мой обоз выпустили из города. Теперь мне предстоит объяснить дракону, куда я дела яйцо, которого в глаза не видела.Лорд Грэм Уитмор уверен, что я продала его фамильную реликвию. Он запирает меня в башне и обещает открыть дверь, когда я назову имя покупателя. Только почему в пустом камине кто-то стучит в ответ на моё прикосновение? И с каких пор замковые засовы слушаются моего голоса?Пока мы с Грэмом ищем пропавшее яйцо, в Рэйвенфорде один за другим гаснут очаги. За каменной кладкой слабеет огненный дух, и спасти его может синий огонь, который я скрывала всю жизнь. Чтобы добраться до духа, мне придётся открыть свой секрет человеку, у которого ещё вчера был ключ от моей камеры.По закону драконам запрещено связывать судьбу с простолюдинками. Грэм знает это так же хорошо, как я. И всё же с каждым вечером у общего очага мне всё труднее решить, чего я хочу больше — уйти из его замка или услышать, как он просит меня остаться.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Украденное пламя

Глава 1

Первой на ярмарке Рэйвенфорда у меня купили грелку, а через четверть часа потребовали деньги обратно. Покупательница поставила грелку на прилавок так бережно, что я сразу поняла: торг предстоит долгий.

— Моя свекровь говорит, что приличная грелка должна пережить три зимы, а эта крышка уже ходит ходуном. Вы сами поглядите, мисс Флетчер, я её даже открывать боюсь.

— Ваша свекровь совершенно права насчёт трёх зим, — сказала я и повернула крышку до упора. — А здесь всего лишь защёлку отвели не в ту сторону. Подержите за ручку, я вам покажу.

Она подержала, попробовала сама и спрятала покупку в корзину, словно я могла передумать и забрать её себе. Тут из-под салфетки показалась ещё одна ручка, закопчённая и обмотанная бечёвкой. Я подвинула к себе весы, освобождая место на прилавке.

— Если это вторая вещь, которую вы хотите мне вернуть, мне сперва придётся вам её продать. Снимайте салфетку, всё равно уже видно, что вы там прячете.

Женщина вынула дорожную печку с вмятиной на боку и сколотой ножкой. По тому, как из нижней щели сыпалась зола, я бы дала ей до ближайшей выбоины, а уж на сколько зим её рассчитывала свекровь, боялась даже спросить.

— У нас в доме все рано встают, и муж берёт её с собой в сторожку. Сделайте, чтобы держала жар хотя бы до полудня, тогда и за ножку можете взять отдельно.

Мы сошлись на четырёх медяках и яблоке, потому что от яблока она отказывалась гораздо упорнее, чем от денег. Я подцепила ногтем треснувшую заслонку и нашла за ней чёрный кусочек угля. Он пролежал в золе, должно быть, с вечера и был холодным на ощупь.

Пока я прикидывала, с какого края подогнуть медь, уголь вспыхнул синим. Огонь поднялся вслед за моим пальцем, будто зацепился за него, и в ту же секунду меня обдало жаром до самого локтя. Я схватила медную крышку от выставленной грелки и накрыла печку.

— Так и должно быть? — Покупательница наклонилась над прилавком, и я увидела мелкие капли тумана на её ресницах. — Пахнет, будто вы её уже растопили.

— Зола старая, а медь пока держит тепло от жаровни. Дайте рукаву просохнуть, вы его на мокрую доску положили.

Она одёрнула рукав, а я упёрлась коленом в поперечину прилавка, чтобы никто не заметил, как у меня подогнулись ноги. Под мостовой раздался стук, два удара с такой паузой, какую оставляют, когда ждут, что из-за двери ответят. Вокруг гремели тележки, но этот звук я ощутила подошвами.

На ярмарке и без того горело достаточно огня. Большие жаровни поставили над каменными решётками, и с утра мальчишки уже успели поспорить, можно ли зажечь от них мокрую солому.

Я знала, что ждало женщину с синим пламенем, если она решалась показать его на освидетельствовании. Вместе с записью в реестре она получала обязанности перед драконьим домом, которому в округе полагалось распоряжаться её даром. Я пока хотела всего лишь купить дверь с хорошим замком и решать самой, кому её открывать.

К моменту, когда покупательница забрала печку, я сумела поставить заслонку на место и перестала вздрагивать от каждого скрипа колёс. Яблоко она оставила на раскрытой тетради, и Бет, подошедшая с охапкой бечёвки, покатала его ладонью по строчке с моими сбережениями.

— Двенадцать серебряных, если хозяин сарая опять не надбавит за крышу, — сказала я ей и показала пустое место под итогом. — Крышу я всё равно перестелю сама, а за ключ я бы ему заплатила вперёд.

— Сперва посмотри, открывается ли дверь после дождя. Помнишь, как ты в прошлом году купила сундук, а потом мы вдвоём выламывали у него дно, чтобы достать твоё же платье?

Уилл как раз приволок нам корзину угля и услышал про деньги. Он с достоинством положил рядом с моей тетрадью клочок бумаги, где стояли три имени и ни одной отметки об уплате.

— Двое обещали заплатить на следующей ярмарке, а у третьего жена скоро родит. Я подумал, что если ты всем троим починишь печки сегодня, они и дальше будут ходить только к нам.

— Уилл, заведи мастерскую и обещай половине графства хоть печи с позолотой. До тех пор пообещай им сперва принести задаток, потому что уголь мне в рассрочку никто не даёт.

Он уже открыл рот, чтобы возразить, но над рыбным рядом кто-то громко потребовал вернуть огонь. Я подняла голову и увидела, как сперва погасла дальняя жаровня, затем та, что стояла у скобяников. У нашей Уилл ещё кричал мальчишке, чтобы тот убрал руки, когда из решётки перестало тянуть теплом.

Для замковой кладовой у меня с вечера лежал заказ, две небольшие грелки с широкими ручками, за которые можно было ухватиться в рукавицах. Пока торговцы ругались из-за жаровен, я уложила грелки в корзину и пошла за расчётом, наказав Уиллу запомнить, когда именно погас огонь. Объяснить ему, зачем мне понадобилось время, я бы пока не смогла.

К служебным воротам вела наклонная улица, вдоль которой по утрам поднимались телеги с молоком и хлебом. Я дошла до площадки перед двором и застала там хлебника, подбиравшего с земли круглые буханки. Стража закрыла проезд прямо перед его лошадью, та шарахнулась, и целый лоток достался мостовой.

— Через хозяйственную калитку сегодня пропускают или мне тоже ждать? — спросила я у караульного и приподняла корзину, чтобы он видел замковую бирку. — Я принесла заказ для кладовщицы, ей понадобится расписаться.

Караульный показал на низкую дверь, возле которой люди успели выстроиться от стены до телеги. Управляющий Эдмунд Крейн стоял по ту сторону калитки в тонких перчатках. Между двумя пальцами он держал синюю шерстинку.

— На засове, милорд, — сказал он мужчине, только что сошедшему с верхнего крыльца. — При утреннем осмотре её пропустили, а я велел проверить снова. На площади нынче хватало синего сукна, но такое рыхлое полотно я видел на навесах у приезжих.

Я прежде видела лорда Уитмора только на расстоянии ярмарочной площади. Вблизи он оказался моложе, чем я ожидала, и дождь тёк ему за расстёгнутый ворот так же бессмысленно, как любому человеку, вышедшему из дому в спешке.

Я успела подумать, что ему стоило бы застегнуться, и тут он поднял глаза на караульного. Цвет у них был тёмно-золотой, как у металла, который ещё рано брать голой рукой.

— Кто входил в сокровищницу после осмотра? — спросил он, и караульный так выпрямился, что рукоять меча стукнула о стену. — Мне нужны имена и время, иначе я мог бы остаться наверху и пересчитать замки ещё раз.

— Засов поднял смотритель изнутри, милорд, как каждое утро. После него внутрь заходили вы и господин Крейн, а я стоял у прохода с самого открытия.

Ответ лорду явно не понравился. Он взял шерстинку у Эдмунда и подошёл ближе к свету под аркой, а из коридора в этот момент выскочил второй стражник, мокрый по плечи. Под мышкой у него был плоский кожаный футляр с вывязанной на ремешке белой петлёй.

— Нашли у городской калитки, под лавкой дозора. Пустой, милорд, но на ярмарке по этой метке уже опознали продавца.

Я знала эту петлю. Уилл вязал её на вещах, которые оставлял на общем прилавке, чтобы потом без споров забрать свои деньги, а мне однажды прикрутил такой узел к ручке чашки и попытался продать мне же чай. Я поставила корзину у стены прежде, чем успела решить, стоит ли привлекать к себе внимание.

— Это метка с торгового стола, — сказала я. — Её оставляют, чтобы к вечеру правильно поделить выручку, и покупатель вполне мог её не заметить.

— Стало быть, вы знаете, чья она. — Эдмунд повернулся ко мне раньше лорда. — Как удачно, что вы пришли именно сейчас, мисс Флетчер.

Я успела заметить, что крышку футляра можно было прижать хоть к ладони, такой он был плоский. Внутри, когда стражник раскрыл его перед лордом, темнели две длинные вмятины. Грэм спросил, какого размера, по мнению стражника, должно быть яйцо, если одно только его гнездо занимало половину постамента.

— Фамильное яйцо и футляр могли нести порознь, — сказал Эдмунд. — Я бы сперва закрыл ворота для обоза, пока нам опять не пришлось искать пустую вещь и гадать, что в ней лежало.

Грэм поручил караульному остановить повозки и вызвать людей к стоянке. Приказ он отдал так быстро, что я услышала уже стук каблуков, прежде чем успела сообразить, сколько домов мы привезли в город на колёсах и сколько из них он только что велел задержать.

— Если ваш смотритель поднял засов изнутри, а стража видела каждого у прохода, как у нас получилось вынести яйцо? — спросила я. — Через дверь оно едва ли прошло бы незаметнее, чем моя корзина.

Лорд подошёл на шаг, и я увидела на его манжете белую пыль, такую оставляет известь, если долго ощупывать старую кладку. Он заметил, куда я гляжу, и опустил руку. Мне почему-то стало досадно, что человек, который сам полез искать следы, так легко довольствовался первым именем.

— Приведите возчика, мисс Флетчер, и я задам этот вопрос ему при вас. Если побежите сейчас, скорее всего успеете раньше моих людей.

Я сунула корзину замковой служанке и бросилась к воротам. На улице пришлось обойти хлебника, всё ещё собиравшего буханки, а дальше я побежала напрямик.

Уилл шёл мне навстречу с двумя печными ножками, обёрнутыми в газету. Заслышав, что я зову его, он принялся объяснять, сколько ему удалось собрать задатка, и только на середине счёта понял, что я даже не смотрю на его руки.

— Кожаный футляр, плоский, с твоей белой петлёй, — сказала я, перехватив его у бочки с дождевой водой. — Вспомни, кто его купил и при ком. Если покупатель вернулся за чем-нибудь ещё, мне и это нужно знать.

— Вчера взял мужчина в замковой ливрее, уже после того, как ты унесла весы. Я хотел снять петельку, но он сунул мне монету и так быстро ушёл, что я вслед ему только и успел сказать про сдачу.

Он показал, как держал футляр, обеими руками за углы, словно мог вспомнить по весу, что ещё нужно добавить. Я спросила, пустой ли он был, и Уилл удивился: он сам вынул оттуда два старых напильника, потому что покупателю понадобилась одна кожа. Тут за бочкой застучало железо, и мы увидели, как между последней повозкой и воротами опускают цепь.

— Иди к Бет и расскажи ей про человека в ливрее, — сказала я. — Только с тропы не сворачивай, они и так видят, что мы здесь.

До Бет он добрался быстрее меня, потому что у входа на стоянку стражник велел мне вывернуть карманы. Я достала моток проволоки, три заказа, яблоко и девять медяков, а когда нагнулась поднять укатившуюся монету, увидела под повозкой чужой сапог. Караульный стоял с той стороны, откуда к нам можно было попасть вдоль стены, минуя торговые ряды.

У фургонов уже переворачивали сундуки, и всё вперемешку летело на раскисшую землю. Из одного узла выкатилась миска со следами вчерашней каши, и её хозяйка, старая Мэгги, упрямо выждала, пока стражник поднимет сапог, чтобы вытащить миску из-под каблука. Бет ходила за писарем и добивалась, чтобы он записывал, из какой повозки взяли каждую вещь.

— Не в общую кучу, господин хороший, — говорила она ему, держа за край развернувшееся одеяло. — Когда мы поедем, я хочу знать, в чём моим людям спать и с кого спросить, если они останутся без постели.

Эдмунд позволил писарю писать под её диктовку и даже попросил позвать двух людей с соседнего ряда. Как раз когда они подошли, караульный из-за повозки окликнул управляющего. Он сунул руку под колесо и вынул медную пластинку с зубчатым краем, на которой из-под грязи проступал герб Уитморов.

Я узнала один зубец раньше герба. Там было два углубления рядом, потому что в прошлый вторник Уилл толкнул мой локоть и молоток попал мимо выколотки. Я выправила край, но обе вмятины оставила, чтобы не истончать медь возле крепления.

— Это деталь от старой заслонки, — сказала я, пробираясь к колесу. — Я привезла её в замок после починки. Сохраните, пожалуйста, как нашли, и запишите, что по двум вмятинам на краю я её узнала.

Эдмунд взял пластинку у стражника и провёл большим пальцем по гербу. Я ожидала, что он позовёт писаря, но медь исчезла в его кармане раньше, чем тот успел обернуться на мой голос.

— Писать будете при свидетелях, — сказал Эдмунд писарю, указывая на вываленные вещи. — Не торопитесь с одеялами, сперва отделите целые от тех, что уже порваны.

Я спросила Бет вполголоса, видела ли она, кто первым подошёл к нашим повозкам. Она показала на караульного у колеса и сказала, что успела потребовать у него приказ, прежде чем он позвал остальных. Тот велел ждать управляющего, а сам остался у задней оси, где в дождь обычно даже собаки не лежали.

— Писарь, внесите в опись и медную пластинку, — сказала Бет через его плечо. — Если господин Крейн согласен, что она из наших вещей, укажите, где он её теперь держит.

Писарь поднёс перо к листу, но Эдмунд велел ему пока оставить строку пустой. Я успела заметить, что писарь всё-таки поставил на полях маленькую черту.

Один из приглашённых, торговец верёвкой, повернул ко мне голову, словно ждал, что я снова попрошу записать про медь. За его плечом стражник уже вёл Уилла к цепи, держа его за пояс. Печные ножки лежали там, где Уилл их уронил, и сквозь промокшую газету проступали ржавые пятна.

У цепи Уилл остановился и попробовал объяснить стражнику, что прямо сейчас может показать свою ярмарочную книгу. Тот дёрнул его вперёд и велел оставить объяснения для городской тюрьмы, где ему дадут и стол, и время вспомнить все продажи. Только после этих слов Уилл по-настоящему испугался и вцепился в узел на поясе, как будто от него ещё зависело, куда его приведут.

Грэм пришёл к воротам пешком, без плаща, с дождём на ресницах. Эдмунд догнал его у цепи и предложил поставить караул возле каждой повозки до окончания разбирательства. Грэм оглянулся на стоянку, и в этот миг мне до боли захотелось, чтобы он из своего верхнего крыльца увидел хоть половину того, что успело вымокнуть за один его приказ.

— У меня люди нанялись на молочную развозку с завтрашнего утра, — сказала Бет, встав перед ним. — Даже если вы выпустите их через два дня, их места займут другие. Скажите мне сейчас, за что отвечают эти люди и кто за них заплатит.

Эдмунд начал говорить про родовую собственность и право задерживать подозреваемых. Бет выслушала его до середины и снова обратилась к Грэму, потому что только у него на пальце была печать, которой караульный послушался бы без дальнейших разговоров.

Я посмотрела на Уилла, а он посмотрел на меня, и я вспомнила, как ещё утром велела ему собирать задатки, если он так любит обещать за других. Мне даже представилось, что я скажу Бет, если сама сумею сперва уговорить её отойти на два шага. Но стражник перескочил цепь и потянул Уилла за собой.

— Это я взяла яйцо, — сказала я. — Футляром и пластинкой я распорядилась сама, чтобы след повёл к возчикам, если вам понадобится кого-нибудь поймать.

Уилл перестал упираться. Эдмунд сунул руку в карман, где лежала пластинка, и посмотрел на Грэма так быстро, что я успела пожалеть о слове «распорядилась». Я не знала, какая ложь мне понадобится следом, и решила больше ничего не добавлять, пока меня не спросят.

— Куда вы дели яйцо? — Голос Грэма опустился так низко, что его, должно быть, слышали только мы у цепи. — За пустой футляр мне уже есть с кого спросить.

— Сперва снимите караул со всех повозок и дайте пропуск за ворота. На бумаге, с печатью, чтобы первый встречный дозор не приказал им вернуться.

— И тогда вы назовёте место? — спросил он. Впервые за всё утро он несколько секунд ждал, пока я соберусь с ответом, и за эти секунды я чуть было не рассказала ему всю правду.

— Тогда вам не придётся искать меня между остальными. У вас будет кому предъявить долг за пропажу, а у меня есть ремесло, которым можно за него отрабатывать.

Грэм спросил, понимаю ли я, что речь идёт о работе в Рэйвенхолле до возвращения реликвии. Я ответила, что сначала хочу услышать, как писарь прочтёт пропуск, и попросила внести туда всех людей и все повозки, включая ту, что ещё стояла без колеса у кузнеца. Эдмунд тихо сказал, что для такой сделки хватило бы устного разрешения, но Грэм взял лист и велел принести воск.

Бет сама проверила, чтобы писарь написал «весь обоз», и дождалась, пока печать остынет. Только потом она отвела меня к колодцу, где можно было говорить вполголоса и нас всё равно заглушало скрипом ворота.

— На первой стоянке будем за старой мельницей, у камня с выщербленным углом, как договаривались, — сказала она. — А в следующий раз, когда соберёшься решить за нас, хотя бы посмотри, кто рядом стоит. Я бы, может, и успела ответить.

Мне хотелось сказать, что я посмотрела, только не на неё, и что Уилл тогда уже переступал цепь. Вместо этого я отдала Бет тетрадь с деньгами, которую всё ещё носила за поясом, и попросила вычеркнуть сегодняшние заказы, если за ними придут до вечера.

— Задатки верну тем, кто их оставил, — сказала она, убирая тетрадь и кошелёк под шаль. — А имена оставлю, Роуз. Тебе ещё понадобится знать, кому обещала печные ножки.

Я осталась возле колодца, пока обоз проходил в ворота. Уилл вёл последнюю повозку и держал вожжи обеими руками, так крепко, что лошадь дважды вскинула голову. Я подошла бы поправить ему хватку, если бы стража не встала между нами.

Когда колесо перескочило через канаву по ту сторону ворот, Грэм велел подать свою карету. До тех пор он стоял со мной у колодца и молчал.

Карета оказалась закрытой, с узкими стёклами, через которые с улицы виднелась только обивка. Грэм сам придержал дверцу и убрал с подножки мокрую ветку, прежде чем велел мне садиться. За ним уже стоял караульный, и по тому, как тот выжидал у дверцы, я поняла, что до замка меня довезут и без моего содействия.

— Мои инструменты остались на площади, — сказала я. — Если собираетесь вычесть работу из долга, велите хотя бы передать мне молоток и клещи.

— Скажите караульному, у кого их забрать. Остальное обсудим в Рэйвенхолле, где нам не придётся перекрикивать полгорода.

Я назвала имя скобяника по соседству, которому утром дала молоток и клещи поправить скобу на дверце его прилавка. Грэм дождался, пока я подберу подол, закрыл дверцу и распорядился, чтобы один всадник ехал впереди, а второй держался позади. Сам он вскочил на коня у

колодца, и я увидела из окна, как он безуспешно пытается натянуть перчатку на мокрую руку, прежде чем убрать её за пояс.

Я думала, меня повезут через тот же хозяйственный двор, где я оставила грелки. Карета свернула раньше, на дорогу вдоль наружной стены, и долго взбиралась по ней к верхним воротам, до которых торговцам обычно не было дела. На одном повороте стала видна площадь, и я насчитала четыре потухшие жаровни, прежде чем дома загородили вид.

Грэм ждал у крытой лестницы, когда меня выпустили во внутреннем дворе. Мы миновали кухонный проём, откуда пахло варёным луком, и поднялись по винтовым ступеням так высоко, что во дворе перестала быть слышна лошадь, которой меняли подкову. На площадке оказался один коридор, а в нём одна дверь с потемневшей железной скобой и насечками по косяку.

От ближней руны у меня заныли зубы. Я чуть отодвинула руку от камня, будто только сейчас заметила, сколько на нём пыли, и спросила, где мне предстоит работать. У дверей мастерской я привыкла сперва слышать молоток или хотя бы чью-нибудь ругань, а тут с площадки доносилось одно наше дыхание.

— Инструменты принесут сюда, — сказал Грэм. — Если для работы понадобится что-то ещё, назовёте это человеку у двери. Из комнаты без сопровождения вы не выйдете.

Я заглянула ему за плечо и увидела стол с тазом, кровать и пустую каминную решётку. Оконная ручка была снята, и в раме осталось светлое отверстие, словно это сделали совсем недавно. На столе лежали чистые тряпки, какие кладут возле умывальника, а из всего, чем можно было бы занять руки, мне оставили одну глиняную кружку.

— У ворот мы говорили о работе, — сказала я. — Если с этого места начинаются другие правила, назовите их сейчас. Я хочу знать, в каком случае ваш человек имеет право выпустить меня и как мне его позвать, если ночью загорится башня.

— Он услышит, если вы постучите. А дверь я открою, когда вы назовёте имя покупателя.

— У вас есть пустой футляр из-под двух напильников и моё слово, что яйцо взяла я. Объясните, откуда между ними взялся покупатель, раз вы уже можете запереть за ним дверь.

Грэм посмотрел на меня так пристально, что я сжала пальцы в складках юбки. Мне казалось, он должен был спросить про напильники, и я уже готова была рассказать, где в футляре остались следы. Но он перевёл взгляд на руку у моего пояса, где утром лежала тетрадь, и придержал дверь, когда я вошла.

— Если оно у вас, скажите, где искать. Я сам поеду туда, даже если придётся объехать каждую мельницу за городом.

Он впервые заговорил о яйце так, как Уилл говорил о своей лошади, когда та провалилась копытом в настил. Пока я удивлялась, что этот человек умеет просить, скоба легла в паз и снаружи повернулся ключ. Я поставила руку на дверь, выждала, пока он спустится, и услышала, как стражник придвинул табурет к стене.

С оконного камня тянуло холодом, а под кружкой на столе виднелся старый след от пролитой воды. Я подошла к камину и коснулась решётки, прикидывая, можно ли будет хоть её отмыть и развести огонь, когда мне принесут уголь. Железо было таким холодным, что я потянулась другой рукой к каменной кладке, чтобы удержать равновесие.

Из-за камня донеслись два удара, с той же паузой, что утром под ярмарочной мостовой. Я убрала ладонь со стены, но правую руку оставила на решётке и почувствовала, как железо теплеет под подушечками пальцев. Чуть дальше, возле костяшек, перекладина оставалась холодной.

Глава 2

Я передвинула пальцы на ширину ногтя, и под ними опять стало тепло. Отдёрнула руку, подождала и приложила к железу тыльную сторону ладони. Решётка успела остыть, и я только теперь сообразила, что сижу на пятках перед пустым камином и боюсь встать.

За дверью сменился караул. Новый стражник долго устраивался на табурете, потом спросил у кого-то на лестнице, далеко ли до ужина. Когда ключ повернулся, я услышала, как он вскочил, и успела вытереть ладони о подол.

Грэм принёс мою сумку с инструментами и положил её у порога. Под мышкой у него был свёрнутый лист, по которому он постучал пальцем, пока я проверяла, на месте ли клещи. Молоток скобяник завернул в обрывок ткани, как я его просила, и от этой мелочи мне на миг захотелось домой сильнее, чем у ворот, когда уходил обоз.

— Инструменты велели передать без напильников, — сказала я, перебирая ремешки. — Мы теперь все напильники в городе будем брать под стражу или ваши люди просто забыли открыть боковой карман?

Грэм присел, расстегнул тугую пряжку и вытряхнул на пол два моих напильника. Один отскочил к моему сапогу, и мы одновременно потянулись за ним. Он выпрямился первым и развернул на столе лист.

— Это опись реликвии. Прочтите описание и скажите, кто из людей, с которыми вы торговали, согласился бы заплатить за такую вещь.

Я прижала угол листа кружкой. В описи значилось яйцо огненного духа с серой скорлупой, без резьбы и заметных повреждений, и дальше целых четыре строки занимало гнездо с позолоченными ветвями. Я подумала, что на рынке за гнездо и правда нашёлся бы покупатель, даже если бы ему велели самому выковыривать драгоценные камни.

— С виду оно такое, что его можно спутать с речным голышом. За что, по-вашему, мне предложили деньги?

— За духа, который спит внутри. Кто-то мог рассчитывать продать его дальше, и вот этого человека я хотел бы найти раньше, чем он попробует вскрыть скорлупу.

На последней строке у края стояли время и короткая подпись смотрителя. Я спросила, когда яйцо ещё видели, и Грэм ответил, что при первом утреннем осмотре оно было на месте, а пропажу обнаружили, едва ярмарочный колокол отбил второй час торговли. О потухших жаровнях ему доложили следом.

В это самое время у меня на прилавке вспыхнула печка. Я вспомнила, как уголь шарахнулся к нижней щели, когда я прижала крышку, и как потом откликнулась мостовая. Тогда мне хотелось скорее отвлечь покупательницу, а теперь я подумала, что грохот телег толком не давал расслышать, где именно стучало.

— Я бы осмотрела ход под сокровищницей, — сказала я, разглядывая подпись. — Под ярмаркой проложены каменные каналы, и когда жаровни начали гаснуть, снизу что-то ударило. Дважды, совсем близко от моего стола.

— На площадь выходят решётки немногим шире вашей руки. Если вы надеетесь, что я отправлю караул под землю, пока ваш человек выезжает из города, придётся придумать ход просторнее.

Я повернула лист к нему слишком резко, и кружка опрокинулась. Грэм подхватил её до того, как она скатилась со стола, и поставил между нами донышком вверх. Мне пришлось вдохнуть, прежде чем я сумела договорить.

— Вы сами можете пойти и посмотреть. Если там только сажа, у вас уйдёт четверть часа, зато потом вы сможете говорить со мной об обмане с полным правом.

— Откуда взялся каменный ход именно под сокровищницей, мисс Флетчер? — Он упёрся ладонью в стол, и от его голоса, ещё недавно ровного, задребезжал край описи. — Вы чинили заслонку для кладовой, а теперь говорите так, словно нашли под моей крышей дорогу, которой даже я не знаю.

Я уже открыла рот, чтобы спросить, давно ли он вообще заглядывал в собственные очаги. В глубине каминной стены глухо ударило, и я так и осталась стоять с приоткрытым ртом. Второй удар пришёлся чуть ниже, оттуда, где камень уходил под пол.

Грэм тоже замолчал. Он повернул голову к камину с такой быстротой, что мне не пришлось спрашивать, услышал ли он. Мы оба ждали третьего удара, и в тишине мне стало слышно, как на лестнице стражник постукивает каблуком о ножку табурета.

Грэм взял свечу и посветил в топку, потом ощупал кладку у пола. Я держалась возле стола и смотрела, не потянется ли огонь вслед за его рукой, как утром потянулся за моей. Пламя шелохнулось только раз, когда он задел рукавом подсвечник.

— За стеной мог осесть старый канал, — сказал он, вставая. — По осени от сырости камни двигаются, и в этом крыле их, должно быть, лет двадцать никто не перекладывал.

— В таком случае дайте мне расчистить камин и осмотреть его снизу. Вы обещали отработку, а в этой комнате есть разве что одна кривая скоба, которую я могу починить к вашему приходу.

Он соскрёб ногтем с брюк белую крупинку раствора. Я видела, что ему хочется вернуться к описи, и положила ладонь на лист прежде, чем он успел его взять.

— Работать у вас я умею, но в ремесле так не договариваются. Мне нужно знать, где мне позволено ходить и кто будет рядом, если за каждый выход вы собираетесь спрашивать с караула.

— До утра останетесь здесь. Завтра я отведу вас в хозяйственное крыло и пришлю человека, который знает, где находятся печи и где нужна починка. И каждый раз, когда вам потребуется спуститься туда, сможете обратиться к нему.

Я заметила, что он сказал это при открытой двери, и переспросила достаточно громко, чтобы обещание услышал стражник. Грэм повторил условия почти теми же словами, только вместо «если потребуется» сказал «когда потребуется». Тогда я попросила ещё об одном.

— Городской посыльный застанет мой обоз на стоянке до завтрашнего обеда. Я хочу отправить Бет письмо через него, и я сама запечатаю лист перед тем, как его отдать.

Он на миг задержался пальцем на сгибе описи. Я ждала вопроса о том, где стоит обоз, но Грэм только велел караульному утром позвать городского посыльного и спросил, хватит ли мне одного листа. Мне хватило бы и клочка, если бы он дошёл до Бет целым.

Сразу за караульным появилась женщина в сером переднике с подносом на согнутой руке. Её звали Мэй, и она сообщила это так буднично, словно принесла мне счёт за комнату на постоялом дворе. Увидев лорда, она подалась обратно к двери, но миска на подносе съехала, и мы с ней вместе успели подхватить её за края.

— Я могу принести вторую порцию, милорд. Только у повара сейчас спор с мясником, и если я влезу между ними с пустой миской, на это уйдёт больше времени, чем на сам ужин.

— Мисс Флетчер поужинает, когда захочет, — сказал Грэм. — Я спущусь позже, разнимать их из-за меня не надо.

Мэй поставила поднос и, прежде чем уйти, показала мне, за какую дужку браться, чтобы не ошпариться о миску. В похлёбке плавали две луковицы, а хлеб ещё пах печью. Грэм свернул опись, но остался у стола, и я заметила, что он посмотрел на хлеб, когда я разломила корку.

Я положила одну половину на чистую тряпку и подвинула к нему. Он мог бы сказать, что не голоден, и какое-то время я была уверена, что именно так он и сделает. Потом он взял хлеб и съел первый кусок так поспешно, что мне самой неловко стало за то, как внимательно я смотрела.

— С утра притронуться ни к чему не успели? — спросила я и разделила ложкой луковицы. — Это не расспросы о вашем распорядке, просто у меня похлёбки больше, чем я съем.

— Утром полагалось открыть выход на ярмарку, а после я собирался вернуться к завтраку. Я сам отодвинул задвижку, когда на площади готовили жаровни, и задержался, потому что у дальнего ряда жар появился позже обычного.

Я отложила ложку и спросила, с какого конца шёл огонь и почему дальний ряд вообще зависел от задвижки. Он уверенно ответил про главный очаг и нарисовал пальцем на столе две линии. Когда я спросила, где они сходились и какой из каналов шёл под сокровищницу, его палец остановился у трещины в доске.

— Меня научили открывать задвижку раз в год, — сказал Грэм. — Тот, кто показывал мне, какой рычаг тянуть, давно умер. Я могу найти чертёж, но не обещаю, что сумею по нему провести вас под площадью.

На последнем слове он посмотрел на камин. Я подумала, что он мог бы опять назвать звук осевшим камнем, а вместо этого стоял у моего подноса и признавался, что не знал, куда уходит тепло из его же дома. Когда он забрал опись и ушёл, я допила похлёбку и взяла у таза самую грубую тряпку.

Я обвязала тряпкой ручку молотка и сбила рыхлую сажу там, где рука едва пролезала за решётку. Таз подставила внизу и поначалу ловила в него каждый комок, пока один не угодил мне за ворот. Я выбралась из топки, вытряхнула золу из рубахи и заодно проверила, виден ли от двери огонь, если прикрыть его плечом.

Ничего разжигать я пока не собиралась. Мне хотелось найти причину, которую можно было показать Грэму, не снимая перчаток и не отвечая на вопросы о ярмарке. В старой кладке для стука найдётся десяток причин, и я бы с удовольствием поверила, что утром под мостовой и здесь за стеной всего лишь осели два одинаково неудачно положенных камня.

Под нижним рядом кирпичей показалась узкая щель с гладкими краями. Я вычистила её углом тряпки, потом просунула туда плоский конец напильника. По ширине сюда как раз легла бы медная заслонка, похожая на ту, которую я недавно чинила для замка, только здесь вход для неё находился сбоку, там, где его легко было пропустить.

Я поднесла свечу к щели, и огонёк наклонился внутрь. Тяга была слабой, но держалась всё время, пока я считала до десяти. Потом я отставила свечу, приложила руку к решётке и поняла, что пассивного тепла в камине больше не осталось.

За дверью караульный заговорил с кем-то о смене. Я дождалась, пока шаги отойдут, и села возле топки, прикрыв коленом проём. У меня дрожала рука, и я сперва старалась приказать ей перестать, словно дрожь была прихотью, за которую следовало пожурить себя.

За всю жизнь я всего несколько раз нарочно вызывала огонь. Однажды в детстве я нагрела им чашку, когда Бет простудилась и дрожала так, что расплёскивала воду. Я тогда вымыла чашку трижды, потому что боялась оставить на ней хоть какой-нибудь след, а Бет решила, что я всего лишь впервые толком помыла посуду.

В башне опаснее всего было поднять руку и ждать, пока пламя покажется. Я всё-таки разжала пальцы, и над ладонью вытянулся синий язычок, едва выше ногтя. Тут же от запястья к локтю пошёл холод, будто руку сунули в прорубь и держали там, пока не отнимутся пальцы.

Я стиснула кулак, прикусив щёку, чтобы не позвать караул. Грэм весь вечер ходил через дверь с рунами, а я близко к косяку подошла один раз и с тех пор держалась подальше. Теперь холод был точно таким же, только в первую минуту он затмил даже боль в зубах.

Я потёрла руку о юбку и уже потянулась за свечой, но вспомнила, как всё началось после ухода Грэма. Пока ладонь лежала на камне, решётка нагрелась сама, и в комнате никто ничего не увидел. Я снова присела, прижала пальцы к шву между кирпичами и подождала, пока смогу вздохнуть без дрожи.

В этот раз я дала теплу уйти туда, куда тянуло воздух. Сверху на пальцах ничего не загорелось, а под ними, в глубине шва, что-то медленно нагрелось, едва слышно потрескивая. По комнате разошёлся запах меди, какой стоял у моего прилавка, когда я вынимала из жаровни раскалённую деталь и золу ещё даже не успевала с неё стряхнуть.

Щёлкнуло за неглубокой нишей, где на стене вместо крючка торчал деревянный колышек. Я прислушалась к караульному, но тот кашлянул всё за той же дверью. Тогда я взяла свечу и заглянула в нишу, впервые заметив, что её задняя стенка отстоит от боковой кладки на толщину пальца.

Я вытянула из щели длинную паутинную нить и потянула за край доски. Скрытая створка приоткрылась ещё на ладонь, пропустив к моим ногам прохладный воздух. За ней оказался короткий служебный коридор, и на полу в полоске света чернел свежий след, оставленный краем створки в пыли.

Я обернулась на дверь, за которой сидел караульный. Ему хватило бы одного моего стука, чтобы позвать лорда, и тогда мне пришлось бы объяснять, почему проход открылся за моей спиной в запертой комнате. Я взяла со стола ещё одну тряпку, прикрыла ею пальцы вокруг горячего подсвечника и шагнула за створку.

Сразу за поворотом началась лестница, такая узкая, что я дважды задела локтем стену, пока спускалась на один пролёт. Снизу тянуло слабым запахом варёного лука, и я решила, что сумею выйти к кухне тем же путём, каким прежде носили уголь. Если бы за дверью оказался кто-нибудь из работников, я бы спросила, кто дежурил на ярмарке до второго колокола и кто из замковых людей мог купить у Уилла футляр.

Я обдумывала, с какого вопроса начать, пока свеча не осветила глухую дверь в самом низу. На ней не было ручки, только утопленное кольцо и узкая прорезь под ключ. Из-под порога тянуло так прохладно, что пламя легло почти горизонтально и я прикрыла его рукой.

Кольцо подалось на полпальца. Дверь осталась на месте, и, стоило мне ослабить хватку, металл беззвучно вернулся в углубление. Я примерилась ухватиться обеими руками, но тут выше по лестнице скрипнула та самая створка, которую я оставила чуть приоткрытой.

— Поставьте свечу на ступеньку, а то воск натечёт вам на рукав. — Грэм стоял на повороте и держал в руке сложенный лист. — Я принёс бумагу, а ваш караульный едва не бросился искать вас под кроватью.

Я поставила свечу возле сапога, но от двери не отошла. Наверху он обещал водить меня по хозяйственным помещениям, и мне было любопытно, сохранилась ли сила у этого обещания теперь, когда лестницу я нашла сама.

— За стенкой щёлкнуло, и дверца открылась. Я пошла на запах кухни, только, кажется, до неё ещё далеко.

— Дверца открылась, — повторил он, спустившись на две ступени. — Вы её чем-нибудь поддели или она просто решила, что пришло время проветрить лестницу?

— Поцарапайте дерево ногтем там, где, по-вашему, я приложила нож. Если найдёте свежую зарубку, я с удовольствием посмотрю, как она выглядит.

Он положил лист на широкую ступеньку, рядом со свечой, и подошёл к двери. Мне пришлось повернуться боком, чтобы пропустить его мимо, и он придвинулся к стене, давая мне больше места. В узком промежутке пахло мокрой кожей его перчаток и тёплым хлебом, который мы только что разделили наверху, и от этого я вдруг рассердилась сильнее, чем от подозрений про нож.

Грэм вынул плоский ключ и вставил его в прорезь. Ключ повернулся на четверть оборота, но внутри ничто не двинулось, сколько бы он потом ни тянул за кольцо. Он проверил свечой глубину прорези и вытер пальцы о платок.

— Этим ключом открывались служебные двери по всему крылу. У нижнего хода был свой, с двумя зубцами разной высоты и оловянным кольцом, потому что железное тогда сломали. Его ещё при моём отце потеряли, а замок, видно, так и не сменили.

— Значит, если я захлопну дверь с той стороны, вы будете открывать её по памяти? Дайте мне справиться с кольцом, вы взялись за него прямо посередине и придавили пальцами к дереву.

Он уступил полшага. Я просунула два пальца под верхний край кольца, а основанием ладони упёрлась в доску, чтобы оно не ушло обратно. Стоило коже коснуться дерева, как внутри тихо сдвинулся засов.

Грэм перевёл взгляд с прорези на мою руку. Я распахнула дверь на ширину ладони и увидела за ней продолжение лестницы, уже каменной, с пустым креплением для фонаря. Из глубины шёл воздух, пахнущий мокрой известью, а лука больше не пахло, словно я с самого начала шла на запах, который оставался у меня за спиной.

— До рассвета дальше ни шагу, — сказал он. — Оставим проход незапертым, а утром спустимся вместе. Вы покажете, как открыли верхнюю дверцу, и, если я найду чертёж, мы сверим его с тем, что увидим внизу.

Я попросила его поднять свечу и сама переступила через порог, оставив пятку между дверью и косяком. С этой стороны засов был виден, и его можно было отодвинуть рукой, но для этого требовалось сначала приподнять тугую щеколду. Я дважды повторила движение, пока Грэм держал свечу, и только потом вернулась на деревянные ступеньки.

— Теперь можно подниматься, — сказала я. — Заберите бумагу, пожалуйста, иначе я всё равно за ней вернусь.

Он поднял лист со ступеньки и подал его мне так, чтобы не задеть горячим подсвечником. Мы успели пройти один пролёт, когда сверху донёсся голос Мэй. Она звала лорда с площадки, а караульный отвечал ей шёпотом, словно от этого можно было скрыть, что оба искали его возле моей комнаты.

Я первой прошла через створку и чуть не наступила на Мэй, которая успела заглянуть в комнату. На этот раз у неё не было подноса, и я по привычке посмотрела, свободны ли у неё руки. Левую она держала за правый локоть, а от передника пахло мокрым полотном.

— В прачечной встал нагрев, милорд. Мы с женщинами подняли крышку, а вода в котле едва тёплая, хотя по этому часу там обычно руки держать нельзя.

Грэм поставил свечу на стол и спросил, давно ли погасла жаровня внизу. Мэй поправила его так спокойно, будто они каждый день вместе перебирали бельё. В прачечной жар шёл через камень под котлом, а отдельную топку после прошлой зимы использовали только для золы.

— Из города за чистым бельём пришёл пекарский мальчик, — добавила она. — Он говорит, у них на нижней улице печь держит половину жара и третий хлеб подряд выходит сырым. Углём поддать пробовали, да только хозяин хочет сперва знать, на сколько дней ему этого угля должно хватить.

Я спросила, гаснет ли всё сразу или в печах остаётся один горячий бок. Мэй сказала, что в прачечной недавно можно было греть руки у дальней стенки котла, но к тому времени, как она поднялась в башню, тепло ушло и оттуда. Я хотела расспросить про городские печи ещё, однако у порога заговорил Эдмунд, и даже караульный перестал шаркать ногами.

— Я отправил за окружной поверенной, милорд. К вечеру четвёртого дня она должна удостоверить работу очагов, и если те не восстановятся, вступит в силу аварийная грамота. До её приезда я бы ничего в кладке не трогал, чтобы потом не пришлось объяснять, отчего пропала и реликвия, и половина городского жара.

Эдмунд перевёл взгляд с моего молотка на рукав. На ткани осталась полоса сажи, почти до самого локтя.

— Задержанную можно вывести к поверенной как виновницу аварии, — продолжил Эдмунд. — Признание слышали у городских ворот, а после пропажи яйца очаги стали гаснуть один за другим. Если вам угодно, я распоряжусь, чтобы караульный присутствовал, когда она будет давать объяснения.

— У ворот я сказала, что взяла яйцо. Если вы уже успели узнать, как этим гасят городские печи, мне тоже хочется послушать.

На поясе Эдмунда звякнули ключи. Он придержал их ладонью, но одно светлое кольцо осталось болтаться у края. Я успела увидеть два зубца, один примерно вдвое ниже другого, и вспомнила, как Грэм светил свечой в пустую прорезь нижней двери.

— Поверенная увидит записи об обыске, когда приедет, — сказал Грэм. — О виновнице аварии я с ней говорить не стану, пока сам не осмотрю сокровищницу ещё раз. До тех пор поручите людям собрать сведения о том, какие печи теряют жар и в каком порядке.

Грэм отправил Эдмунда к кладовщице узнать, сколько топлива можно выдать прачечной на ночь. Тот поклонился и ушёл, забрав ключи в горсть, отчего они больше не звенели.

Мэй вернулась через несколько минут с ручным фонарём. Она сказала, что у прачек два таких, и поставила его мне на стол, чтобы я не пыталась разгуливать со свечой там, где гуляют сквозняки. Потом сдвинула поднос, с пустой миской, и тихо спросила, помогло бы нам, если бы утром она встретила городского посыльного у кухни.

Я поблагодарила её и дождалась, пока она выйдет. Грэм как раз собирался позвать караульного, когда я поднесла фонарь к столу и попросила его задержаться ещё на минуту. У меня осталась бумага для Бет, и на её белом сгибе отчётливо виднелось тёмное пятно с той ступеньки, где мы с ним стояли.

— На рассвете отведите меня сначала в сокровищницу. Господин Крейн видел сажу у меня на рукаве и, если спросит караул, узнает про лестницу. Пусть думает, что кроме неё мне ничего не нужно.

— Вы решили, что мне стоит чего-то от него скрывать? — спросил Грэм. Голос у него снова стал обычным, как у ворот, и я порадовалась, что на этот раз мне было куда положить руки.

— Для нижней двери нужен ключ с оловянным кольцом, вы сами сказали. Я только что видела такой у Эдмунда.

Грэм посмотрел в коридор и спросил, уверена ли я насчёт зубцов. Я показала пальцами их высоту, как показала бы Уиллу, сколько металла снять с заготовки. Потом придвинула к себе фонарь, потому что он всё ещё молчал и я решила, что если он мне не поверит, я хотя бы успею написать Бет до того, как погаснет свеча.

— У хранилища я сменю караул сам, — сказал он наконец. — Будьте готовы к рассвету и возьмите этот фонарь.

Когда за ним закрылась дверь, я села писать Бет. Я успела вывести «до утра останусь в башне» и увидела, какое пятно оставила рука на бумаге. Пришлось подождать, пока высохнет клякса, и лишь потом приписать, что с утра мне будет работа.

Глава 3

Утром за мной пришла Мэй и первым делом попросила письмо. Я всю ночь продержала его под кружкой, чтобы не загнулись уголки, а теперь чуть не сунула ей в руки вместе с исписанным пробным листом, на котором было куда больше правды, чем я собиралась отправить Бет.

— Посыльный с нижней улицы ждёт у кухни, — сказала Мэй. — Я просила его сперва отнести ваше письмо, а уж потом идти к булочнику за ответом, потому что булочник всё равно будет жаловаться не меньше четверти часа.

Я отдала ей запечатанный лист и продела руку в ручку фонаря. Караульный под дверью поднялся было с табурета, но Мэй показала ему записку с печатью и дождалась, пока он дочитает до той строки, где ему велено оставаться у башенной комнаты. Я вышла сама, и он посторонился так поспешно, что каблуком задел ножку своего табурета.

Грэм ждал нас у поворота в хозяйственное крыло. На нём была та же тёмная куртка, только теперь застёгнутая до горла, и в руке он держал связку ключей, на которой я против воли поискала оловянное кольцо. Вместо приветствия он подал мне яблоко, явно только что вынутое из кармана, и спросил, успела ли я позавтракать.

— Если я отвечу, что нет, вы опять станете делить со мной еду? — Я взяла яблоко, прежде чем он мог решить, что я отказываюсь. — Подождите с этим хотя бы до тех пор, пока не увидим дверь, мне удобнее думать на ходу.

— Тогда ешьте по дороге, — сказал он. — Поверенная Беатрис Уорд только что приехала, и Крейн встретил её во дворе с таким количеством бумаг, что раньше завтрака они друг от друга не отделаются. Как раз хватит времени посмотреть и дверь, и очаг.

Он сдержал обещание насчёт караула. У входа в сокровищницу стоял пожилой стражник, которого вчера я не видела, а в книге у него на столике первой появилась моя фамилия. Грэм дождался, пока туда внесут Мэй, и только после этого сам повернул ключ.

Внутри было прохладнее, чем в коридоре, и мой фонарь разом отразился в десятке серебряных кубков на полках. Посреди комнаты стоял каменный постамент, а на нём лежало гнездо из позолоченных ветвей, такое большое, что в нём легко уместился бы каравай. Я надкусила яблоко и присела возле основания, проверяя, куда падает свет.

У самой ножки тонкой полосой блестел затвердевший воск. Он вытек из углубления на постаменте, обогнул грань и протянулся по плите к камину, где на краю прогара обрывался. Я попросила Мэй принести обломок обычной свечи из коридора, а сама пригляделась к воску у стены.

— Может, кто-то вошёл со свечой и накапал, пока смотрел, — сказал Грэм. — Здесь за утро было достаточно людей, чтобы потом один клялся, будто держал свечу прямо, а второй вообще её не помнил.

— Накапать можно сверху, а здесь воск растёкся из-под гнезда. Дайте мне посветить вдоль пола, тогда увидите, что у прогара он пошёл немного вверх.

Грэм встал на колено, и я опустила фонарь так, чтобы свет лёг почти плашмя. У кладки действительно виднелся вытянутый восковой край, тонкий, как обрезок ногтя, и кончик его прилип к камню выше пола. Когда Мэй принесла свечу, я разогрела по крупинке каждого воска на обухе ножа, и обе запахли одинаково, едва потемнев.

У двери нашлась другая мелочь. Стражник показал нам наружный крючок, удерживавший поднятый засов, и там всё ещё держалась тонкая нитка, застрявшая под головкой гвоздя. Железо блестело, а пыль на низкой притолоке над дверью лежала ровно, хотя приподнятое над грудью гнездо непременно задело бы её ветвями.

— Яйцо можно вынуть и пронести в кармане, — сказал Грэм. Он провёл взглядом вдоль косяка и убрал руку, уже поднятую к крючку. — Что именно вы хотите, чтобы я записал?

Я продиктовала, где лежала пыль, где осталась шерсть и куда протянулся воск, а он записал и прочёл вслух, не заменив ни одного моего слова. Мэй взяла лист, дочитала его до конца и спросила, зачем записывать вывод, если мы пока видели только следы. Грэм вычеркнул свою приписку о краже, сделал второй экземпляр и дал нам обеим расписаться на каждом.

Я сложила свой лист вчетверо и убрала под пояс. Если к полудню мы снова поссоримся, у меня хотя бы останется то, что мы вместе увидели утром.

Мэй собралась отнести свечу караульному, но у самого порога я попросила её задержаться. Из всех людей в замке лишь она накануне успела заметить, с какой стороны остывал котёл, и мне хотелось, чтобы при следующей перемене именно она стояла у камня.

Я вынула из сумки старую монету с дыркой, которой обычно проверяла, свободно ли ходит мелкая заслонка. Положила её у того места, где заканчивался восковой след, и прочертила по пыли половину кружка вдоль ребра. Грэм посмотрел, как я работаю, и спросил, что мне понадобится от него.

— Откройте боковой ход в ту же сторону, что на ярмарке, — попросила я. — Только ненадолго, иначе мы так и не поймём, что из случившегося было вашим делом, а что происходило само по себе.

— Главный ход я открыл у лестницы, а боковой можно приподнять отсюда. Прежде чем я это сделаю, скажите, кого вы собираетесь поставить у нижней заслонки.

Я показала на Мэй, но та сразу предупредила, что в прачечной до завтрака толпятся женщины с корзинами. У камня она постоит, а отгонять людей от котла станет только в том случае, если мы назовём ей причину. Я сказала, что ищу жар, и попросила запомнить, откуда он придёт и будет ли его видно.

— От двери до прачечной мне сто шагов, если меня по дороге никто не поймает, — сказала Мэй. — Дайте мне время спуститься и дождитесь первого удара кухонного колокола. У нас его слышно отлично, даже если прачки вздумают петь.

За стеной к кладке примыкал тесный переход с железными рычагами. Грэм показал, до какой насечки открывал боковой ход на ярмарке, и заметил, что задвижка сегодня шла тяжелее. Я посветила на зубчатую планку и увидела, что возле первой насечки сажа была утёрта, хотя остальные деления оставались под ровным налётом.

Пока ждали колокола, Грэм спросил, как я научилась замечать такие вещи. Я рассказала, как однажды полдня искала трещину в печке, пока хозяйкина девочка не показала на угол, к которому тянуло её волосы. В следующий раз я пришла со свечой, а у девочки спросила, сколько она берёт за урок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.